

Характер социально-экономической дифференциации населения: сравнительный анализ России и Европы¹

Г.А. ЯСТРЕБОВ

В статье рассматриваются доминирующие в нынешней социологической литературе теоретические подходы к анализу социального неравенства. Несмотря на незначительные концептуальные расхождения, все эти подходы основаны на предположении о том, что развитие современных обществ, в том числе постсоциалистических, осуществляется в соответствии с логикой развития основных институтов капитализма: рынка и частной собственности. Однако автор допускает, что эти подходы могут обладать слабой объяснительной возможностью применительно к обществам, культурно-исторический контекст развития которых способствовал воспроизводству альтернативных форм социально-экономической организации, препятствующих развитию капиталистических институтов. В данном исследовании сделана попытка эмпирически обосновать это предположение, используя материалы 3-й волны Европейского социального исследования (2006 г.).

Ключевые слова: социальная стратификация, социальное неравенство, сравнительный анализ, Россия и европейские страны, постсоциалистические общества, энтропийный анализ, системы стратификации

Введение

До недавнего времени в массе сравнительных исследований, посвященных анализу социального неравенства, как правило, использовались категориальные аппараты и концепции, разработанные западными социологами. Причем теоретическая конкуренция между такими альтернативными подходами, как (нео-)марксистский, (нео-)веберийский или функционалистский, не является в данном случае принципиальной – все эти подходы были разработаны с целью предложить объяснение характеру неравенства в современных западных обществах. И это неудивительно, если обратить внимание на то, как интенсивно развивались общественные науки в западных странах, начиная с конца первой половины прошлого века, и какое распространение получили результаты этих исследований во всем мире.

¹ Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований Государственного университета – Высшая школа экономики, тема № 71 «Сравнительный анализ развития постсоциалистических обществ».

Успешность послевоенного развития капиталистических стран Европы и США предопределила симпатии большей части научного сообщества к модернизационным проектам, в рамках которых эталоном развития провозглашались все те же развитые страны. Атлантический капитализм с присущей ему особой структурой социальных и экономических отношений, основанных на институциональной триаде «рынок – частная собственность – демократия», рассматривался большинством идеологов постсоциалистической реформации как идеал, к которому нужно и должно стремиться. Однако, несмотря на последствия этих реформ, которые для большинства постсоциалистических стран сегодня со всей очевидностью можно считать катастрофическими, анализ социального неравенства в этих обществах по-прежнему осуществляется с точки зрения их относительного соответствия/несоответствия западным образцам. При этом, что характерно, культурная принадлежность и историческая обусловленность институтов, в значительной степени формирующие социальную органику конкретных обществ, до недавнего времени рассматривались этими идеологами как второстепенные (если не как вовсе ничтожные) факторы, обуславливающие «адаптационный потенциал» трансформирующихся постсоциалистических стран. Неудивительно, что принятие такого одностороннего подхода к оценке и анализу социального неравенства в соответствующих обществах зачастую влечет за собой проблемы интерпретационного характера. Отсюда, в частности, берут начало столь острые и многочисленные дискуссии относительно статусных рассогласований и содержания такого понятия как «средний класс» применительно к трансформирующимся странам.

С другой стороны, маргинальный характер социально-экономической дифференциации в ряде стран бывшего социалистического лагеря Европы перестает выглядеть в качестве аномалии в рамках подхода, предполагающего историческую обусловленность процессов общественного развития. Согласно такому подходу, в специфическом социально-экономическом порядке, который сложился внутри евразийской цивилизации и стал параллельной ветвью капиталистической индустриально-экономической системы, и социальное неравенство, и весь строй социально-групповых отношений, и стратификационная иерархия также несут специфический характер. Несмотря на взаимодействие с другими системами, столетиями внутри этого крайне устойчивого этакратического порядка в трансформированном виде воспроизводилась сословная иерархия. Эта иерархия применительно к царской России была четко охарактеризована известным русским историком В.О. Ключевским [*Ключевский* 2004]. В сословной системе группы различались юридическими правами, которые, в свою очередь, были жестко связаны с их обязанностями и находились в прямой зависимости от этих обязанностей. Они же являлись основой дифференциации. Причем, под обязанностями подразумевались обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Способ детерминации различий – правовое оформление, которое представляло собой, в первую очередь, юридическое, а не этническо-религиозное или экономическое деление. Принадлежность к сословию передавалось по наследству, но не строго, что способствовало относительной открытости данной системы.

В то же время, принимая во внимание общность социально-технологических оснований всех позднеиндустриальных и постиндустриальных (информаци-

онных обществ), автор не отрицает существования в современных обществах этакратического типа классовой дифференциации, основанной на частной собственности, рыночных отношениях и разделении труда. Современный технико-технологический порядок, который объединяет все сосуществующие в современном мире цивилизации, порождает профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий. Последние имеют два аспекта: собственно технико-технологический и социально-экономический. Социально-экономический аспект разделения труда обуславливает, с одной стороны, социально-профессиональную стратификацию, которая присуща всем обществам. С другой стороны, опосредованный рынком труда и системой реального неравенства, он служит источником формирования общественных классов в странах атлантического цивилизационного ареала.

Речь в данном случае идет о возможном сосуществовании и взаимном переплетении двух типов отношений. Степень выраженности той или иной формы этих отношений зависит от укорененности исторически сложившихся институтов, связывающих общества с различными цивилизационными системами. Эта точка зрения была высказана В.И. Ильиным, который также утверждает, что классовая дифференциация как доминирующая форма социально-экономического неравенства присуща исключительно капиталистическим системам [Ильин 2008]. Он убежден, что классовая структура представляет собой определенное отображение распределения власти в соответствии с логикой рынков труда и капитала, а формирование классов остается неотъемлемой частью более широкого процесса перехода (возврата) к капитализму. В обществах же этакратических речь идет именно о занятиях, различающихся характером (т.е. содержанием и условиями) труда, а не их качественными статусными характеристиками, выработанными корпоративностью общей принадлежности к одной профессии.

Таким образом, прямое сравнение стран, различающихся по типу своего развития и/или принадлежащих к неевропейским цивилизационным ареалам, является не вполне корректным. В то же время работы, которые учитывают эту специфику, обычно сводятся к изучению отдельно взятой страны и практически не включены в контекст международных сравнений. Так, например, исследуя материалы представительных опросов экономически активного населения России, проведенных в 1994, 2002 и 2006 гг. в ряде предыдущих публикаций при участии автора данной статьи, удалось выявить то, насколько специфически структурируется социальное неравенство в современном российском обществе [Шкаратан, Ястребов 2007; 2008; 2009]. В частности, решая задачу ранжирования стратификационных критериев по степени их влияния на реальную дифференциацию в обществе, было показано, что однородные социальные группы формируются в признаковом пространстве «власть-собственность».

Принципиальный же вопрос заключается в том, в какой мере этот тип социальных отношений является специфическим для постсоциалистических обществ вообще и России, в частности. Ответу на этот вопрос, по крайней мере, в форме проверки валидности существующих теорий, объясняющих феномен социального неравенства в современных обществах, по существу и посвящено настоящее исследование.

Концептуальные основы анализа социального неравенства в современных обществах

Наблюдаемые сегодня в развитых странах крайние различия в доходах квалифицированных и неквалифицированных рабочих косвенно подтверждают обоснованность утвердившегося в западной литературе взгляда, согласно которому решающим фактором дифференциации является *статус занятости*, связанный с определенными характеристиками экономической деятельности и позицией на рынке труда. Стоит отметить, что в теоретическом плане эта идея не является новой, поскольку фундаментальное объяснение этому феномену было предложено еще в работах классиков социологической теории второй половины XIX – начала XX вв. и связано с именами двух выдающихся ученых К. Маркса и М. Вебера.

Согласно Марксу, неравенство в форме разделения людей на общественные классы возникает на основе различного положения и различных ролей, выполняемых индивидами в производственной структуре общества. Другими словами, наиболее общей основой образования классов является *общественное разделение труда*. При этом имеется в виду «... крупное разделение труда между массой, занятой простым физическим трудом, и немногими привилегированными, которые руководят работами, занимаются торговлей, государственными делами, а позднее также искусством и наукой» [Маркс, Энгельс 1961, Т. 20, с. 186].

Разделение труда на исполнительский и организаторский исторически предшествовало образованию частной собственности и в периоды господства разных способов производства служило основой разделения людей на эксплуататоров и эксплуатируемых: в античных обществах люди делились на «хозяев» и «рабов», в феодальных – на «феодалов» и «крестьян» и т.д. Однако с развитием буржуазного (читай, современного) способа производства и появлением частной собственности, по Марксу, происходит закрепление определенных функций, сфер и родов деятельности в едином процессе производства за различными классами. С момента возникновения последних не род деятельности определяет принадлежность к данному классу, а наоборот, принадлежность к классу определяет заранее заданный круг профессий, которыми может заниматься выходец из данного класса [Маркс, Энгельс 1961, Т.4, с. 310]. Таким образом, признавая в качестве одного из источников неравенства разделение труда как таковое, Маркс, тем не менее, обратил внимание на фундаментальный критерий, объясняющий неравенство социальных позиций, исходя из неравенства доступа людей к средствам производства.

Как уже было сказано, вслед за Марксом решающее значение в развитии современных представлений об источниках, формах и сущности социального неравенства имел другой классик мировой социологической теории М. Вебер. Сразу отметим, что сегодня именно (нео-)веберовский подход к анализу проблем социального неравенства является доминирующим в мировой социологической литературе и в связи с этим заслуживает особого внимания.

Согласно Веберу, марксова модель была источником плодотворных гипотез, однако она оставалась слишком простой для объяснения сложностей стратификации, что подтолкнуло его к развитию альтернативного анализа, предполагающего

множественность источников социальной иерархии: помимо ее сугубо экономического аспекта, Вебер предложил учитывать такие аспекты как *престиж* и *власть*, которые наряду с *собственностью* рассматривались им в качестве основных взаимодействующих измерений социального неравенства в любом обществе. Каждое из этих измерений порождает соответствующий им тип стратификации. Применительно к собственности это экономические классы; к престижу – статусные группы; к власти – партии [Вебер 1990; 1992].

Однако в отличие от Маркса, который признавал объективность существования классов и обуславливающее противоположность их интересов четкое разделение по критерию отношения к средствам производства, Вебер дал более мягкую трактовку классам как совокупностям людей со схожими «жизненными шансами». Категория «жизненных шансов» является одной из центральных в рассуждениях Вебера и сопряжена с вероятностными оценками продолжительности и качества жизни людей. Несмотря на то, что Вебер признает критерий собственности в качестве важного аспекта, определяющего классовую ситуацию (и вместе с тем «жизненные шансы»), более принципиальным аспектом в его концепции классов является рынок, являющийся, по его мнению, основным регулятором отношений в капиталистических обществах. Благодаря рынку становится ясно, кто чего стоит в обществе. Оценке в этом случае подлежит не только собственность, но и людские таланты, способности, другими словами, все, что обуславливает разные возможности индивидов получать доходы и другие виды благ на рынке. Таким образом, класс по Веберу – люди, имеющие схожее положение в экономической сфере: схожий род занятий, примерно одинаковый уровень доходов, собственности и т.д. Вследствие этого уже не групповые интересы, как у Маркса, а интересы типичного представителя, входящего в класс, становятся источником однородности классов. В таком понимании класс представляет собой нецелостное (размытое) множество индивидов, не имеющее четких границ и объединенное близкими социально-экономическими параметрами.

В действительности подходы к определению классовой ситуации по Марксу (на основе отношений собственности) и по Веберу (на основе рыночных отношений) не являются столь уж противоречащими. Идею противостояния заключается в том, что Вебер отрицал вероятность конфликта между позитивно привилегированными классами, к которым он относил собственников, и классами, негативно привилегированными – теми, кто собственниками не является. Признание конфликта интересов между различными социальными группами и по сей день является определяющим для различения подходов, основанных на марксистской традиции, и подходов, основанных на традиции вебериианской. Однако под взаимным влиянием последователи обоих подходов продолжают развивать представления о том, как устроено социальное неравенство в современных обществах. В результате двусторонней критики и проникновения идей происходит не только постепенное сближение двух традиций, но и уточняется понимание определенных сущностей, с помощью которых современные исследователи постигают принципы дифференциации людей.

В частности, наиболее ярким примером продолжения своеобразной (нео-)вебериианской традиции в анализе социального неравенства в современной со-

циологической науке является подход английского социолога Дж. Голдторпа, предложившего классовую модель общества на основе различий в статусах занятости, т.е. различий в отношениях найма, которые имеют место в индустриальном обществе, где соблюдаются принципы экономической и технологической эксплуатации [Erikson, Goldthorpe 1992, 2002; Goldthorpe, Hope 1972; Goldthorpe 1987].

Голдторп утверждает, что рыночный механизм, обеспечивающий распределение людей в системе общественного разделения труда является главной причиной их неравенства. При этом им выделяются три основные классовые позиции: работников, нанимателей и самозанятых: работодатели покупают рабочую силу рабочих и тем самым получают над ними некоторую власть; рабочие вынуждены продавать свою рабочую силу; самозанятые же являются в известной степени автономными работниками, не относящимися к нанимаемым и не нанимают рабочую силу сами.

Однако значительное более важной с точки зрения изучения общественной дифференциации, как признает сам автор, является неравенство, возникающее внутри наиболее массовой группы наемных работников. И в этой связи Голдторп вводит новый дифференцирующий критерий, который напрямую связан с характером трудовых отношений – *тип трудового контракта*, регулирующего занятость. Концептуальное обоснование такого подхода заключается в существовании естественных рисков, с которыми сталкиваются работодатели при заключении контракта с работником, а именно: невозможность полностью контролировать их деятельность и специфичность навыков и знаний, ценность которых для некоторых типов занятости возрастает прямо пропорционально длительности найма. Все эти условия, таким образом, учитываются работодателем и определяют соответствующий характер трудового контракта.

Голдторп утверждает, что выделенные таким образом классы различаются по специфическим для каждого из них ограничениям и возможностям, в число которых входят те, которые оказывают влияние на индивидуальную экономическую безопасность, стабильность, перспективы, внутриспоколенную и межпоколенную социальную мобильность и т.д.

Однако стандартным аргументом критиков данного подхода является то, что Голдторп, в отличие от более марксистски ориентированных авторов, не выделяет в качестве обособленной социальной группы крупных собственников и фактически «сливает» их с высококвалифицированными наемными работниками и управленцами высшего звена. Серьезную альтернативу взглядам Голдторпа в этом отношении представляет собой подход одного из наиболее последовательных современных неомарксистов Э.О. Райта [Wright 1982; 1985; 2000].

Райт, как впрочем, и все последователи Маркса, акцентирует внимание на том, что главное разделение людей на социальные классы в современных обществах по-прежнему заключается в неравенстве доступа к средствам производства. Это разделение обуславливает противоположность интересов, что является одной из главных причин, по которой оно не может быть проигнорировано.

Отношения эксплуатации, считает Райт, не потеряли своего значения и, тем более, никуда не исчезли. Идею расширения взглядов Маркса, предложенное Райтом и позволяющее более точно описать характер дифференциации в совре-

менном обществе, заключается в том, что эксплуатация обусловлена не только неравенством во владении средствами производства, но и различиями в степени владения организационными и квалификационными активами, а также степенью автономности труда.

Введение дополнительных критериев эксплуатации позволило Райту, в частности, «вписать» в свою схему так называемые «средние классы», которые занимают промежуточные позиции между традиционными классами капиталистов и рабочих. Так, на основании неравенства в степени автономности труда в схеме нашлось место традиционному среднему классу, т.е. мелкобуржуазным собственникам, которые, с одной стороны, выступают либо как наниматели, либо как работники, занятые индивидуальной трудовой деятельностью, а с другой, не относятся к числу крупнокапиталистических собственников, чьи решения зачастую имеют далеко идущие последствия, если вовсе не идут вразрез с интересами мелкой собственности. Схожая логика имеет место при объяснении противоречивости классовой позиции профессионалов и менеджеров, или представителей нового среднего класса. Неравенство во владении специальными навыками, с одной стороны, определяет относительное сходство их интересов с интересами собственников, а с другой, ставит их в положение все тех же наемных работников.

Таблица 1. Основные современные теоретические взгляды на природу социального неравенства в сопоставлении

Теоретические традиции	Источник классовых различий	Основные классы	Характер отношений	Ключевые проблемы анализа
Неоверберяианцы (Голдторп)	рыночные отношения вообще, и на рынке труда в частности	собственники, рабочий класс (дифференцированный по уровню квалификации), средний класс (сервис-класс и промежуточный класс)	внутри- и межклассовая конкуренция	сегментация жизненных шансов, социальная мобильность
Неомарксисты (Райт)	отношения по поводу производства	буржуазия, рабочий класс, прочие классы (мелкая буржуазия, новый средний класс)	социальный конфликт вследствие эксплуатации	классовая борьба, эксплуатация, пролетаризация общества

Таким образом, понятие «социального класса» в среде ученых, посвятивших себя общественным наукам и, в частности, изучению феномена социального неравенства, по-прежнему не имеет единой трактовки вследствие устойчивых различий во взглядах на то, как устроены общества и какими социальными силами обеспечивается его развитие. Универсальным в этом отношении для исследователей является лишь признание того, что люди между собой так или иначе дифференцированы и характер этой дифференциации зависит от особенностей социальной и экономической организации общества. Тем не менее, несмотря на концептуальные различия в схемах Райта и Голдторпа (см. таблицу 1), есть основания полагать, что в западном научном сообществе происходит определенное сближение позиций по части раскрытия реальных социальных неравенств и отображающих их иерархи-

ческих конструкций. Так или иначе, обе эти конструкции отражают принципы социального членения в соответствии с логикой воспроизводства современных капиталистических обществ, конститутивными элементами которых являются рынок и институт частной собственности.

В какой-то мере общей особенностью большинства современных подходов к анализу социальной дифференциации является принятие в качестве элементарной единицы классификации понятие рода занятий (*occupations*). На этом, в частности, основаны и многие национальные и наднациональные классификации (например, ISCO-88), которые представляют собой «смягченные» классовые модели общества, напрямую не затрагивающие наиболее острые аспекты распределения власти, собственности и неравенства жизненных шансов. Так или иначе, перед необходимостью выстраивать политику в соответствии с дифференцированными и зачастую разнонаправленными запросами различных общественных групп стоит любое государство, в связи с чем государственная социальная статистика практически в каждой стране мира, как правило, располагает не только собственной информационной сетью, позволяющей отслеживать течение социально-экономических процессов в своем обществе, но и особой методологией оценки этих процессов, учитывающих национальную специфику. Структура и смысл национальных классификаций в значительной степени опираются на конкретные особенности общественного и экономического устройства своих стран и являются отражением государственного подхода к управлению различными сферами деятельности общества. Другими словами, государство определенным образом собирает и упорядочивает статистику, чтобы на основе соответствующей информации принимать квалифицированные решения.

Национальные социально-профессиональные классификации, по крайней мере, в Европе основываются, как правило, на трех подходах к содержательной дифференциации занятых:

1) классификация собственно профессий (занятий) вне зависимости от формальных требований к подготовке осуществления определенных типов деятельности;

2) классификация на основе различий в фактической квалификации;

3) классификация в соответствии с социальным статусом, приписываемом конкретным профессиям (т.н. позиция в профессии)².

При этом стандартным возражением против использования подобных конструкций со стороны научного сообщества является отсутствие не только единой методологии их построения, но и зачастую теоретического обоснования как такового. И это неудивительно, поскольку целью статистики является не анализ каких-либо проблем, а рутинное описание определенных фактов социальной и экономической реальности – официальную статистику можно рассматривать лишь в качестве одного из возможных инструментов прикладной науки.

² Эти выводы основаны на анализе ряда национальных социально-профессиональных классификаций Европы, которому был посвящен специальный выпуск авторитетного французского журнала *Sociétés contemporaines* ('Enjeux et usages des catégories socioprofessionnelles en Europe', №45-46, 2002 (1-2)).

Ученые, стремящиеся не просто описать, но систематизировать информацию об окружающем мире, ставят перед собой задачу не просто установить, в какой степени типичные представители соответствующих социальных групп неравны между собой по уровню и образу жизни, экономическому и социальному поведению и т.д., но, что важнее, объяснить характер и причины возникновения этой дифференциации. В этом отношении нередко публикуемые официальными статистическими органами данные о распределении социально-экономических показателей в профессиональном или отраслевом разрезе не могут быть использованы в качестве материала для всестороннего изучения характера социального неравенства. В лучшем случае эти данные позволяют определить отдельные «симптомы», но их, вероятнее всего, будет недостаточно для постановки «диагноза» обществу в целом.

Впрочем, изучение стратификации на основе социально-профессиональных различий имеет прочный концептуальный фундамент. Это подтверждают итоги дискуссии по проблемам изучения социального неравенства, прошедшей на страницах ведущих западных журналов уже в начале этого века. В них, помимо упоминавшихся выше Дж. Голдторпа и Э.О. Райта, приняли участие другие видные представители различных идейных представлений, такие как Дж. Скотт, Э. Соренсен, Д. Груски, К. Уиден и др. [Sorensen 2000; Wright 2000; Goldthorpe 2000; 2002; Rueschemeyer, Mahoney 2000; Grusky, Weeden 2001; 2002; Scott 2002]. Спор в этой профессиональной среде зашел, в частности, о модели социальных классов на основе профессиональных ассоциаций (*occupational groupings*), берущей свое начало из научной традиции Э. Дюркгейма. Авторы идеи (американские социологи Груски и Уиден) предположили, что последние все в большей мере становятся фундаментальными единицами эксплуатации, занимающими промежуточное положение между государством и индивидом. Не вдаваясь в перечисление множества контраргументов, прозвучавших в адрес этой модели социальных классов, можно лишь заключить, что логика двух американских ученых вполне соответствует современной европейской традиции объединения социальных групп на основе агрегирования занятий.

Таким образом, профессиональную структуру, которая объемлет все многообразие профессий и связывает систему социальных отношений с экономической деятельностью членов общества, можно рассматривать как иерархическую систему, состоящую из ранжированных социальных позиций экономически активных членов общества. Особенность социально-профессиональной структуры состоит в том, что она является как бы проекцией социальной дифференциации на процессы экономической деятельности, поскольку она определяет связи между людьми, устанавливающиеся в ходе этих процессов. В связях фиксируются единство занятий и профессиональные различия как особая форма социальных различий. Такие различия возникают на основе дифференциации специальной подготовки и статусных уровней, поэтому саму профессиональную структуру можно рассматривать как иерархическую систему, состоящую из ранжированных социальных позиций работников. При этом каждая группа сходных по социальным характеристикам профессий (родов занятий) рассматривается как формально-статистическая «рамка» реального социального слоя. Ведь последний может быть выявлен лишь

с учетом социальных ценностей, норм, интересов, стиля жизни входящих в состав слоя индивидов. В случае социальных перемещений усвоение норм и ценностей социального слоя осуществляется через производственные социальные сети, соседское общение и т.д., что требует определенного срока адаптации.

Однако сами по себе занятия непосредственно отражают лишь техническое (функциональное) разделение труда, а не его социальную разнородность. Поэтому достаточно часты случаи, когда носители одной и той же профессии или лица, практикующие схожие занятия, относятся к разным социальным слоям. Неслучайно, что использование на практике рода занятий как эмпирического индикатора социальной дифференциации зачастую требует привлечения дополнительных показателей, которым придается в некоторых случаях определяющее значение. Кроме того, следует учесть кратковременность жизни профессий в условиях современной экономики при относительно большем периоде существования социальных слоев. Так, например, едва ли можно утверждать, что станочник в 1930-х и 1990-х гг. занимал одни и те же социальные позиции в обществе. Отсюда можно предположить, что социальные слои могут менять свое содержание по мере развития самого общества. Тем не менее, несмотря на все высказанные сомнения, социологическая классификация профессий на основе прямой операционализации родовых свойств труда, дает устойчивые и проверенные опытом результаты в выявлении социальных слоев, отражающих социально-экономическое неравенство в обществе.

Данные и метод

Решая задачу поиска объективных критериев социальной и экономической дифференциации в современной России³, автор статьи имел дело с материалами представительных опросов 1994, 2002 и 2006 гг., основной целью которых являлось изучение формирующейся в стране новой системы стратификации. Специализация опросов позволила сконструировать необходимое признаковое пространство, охватившее практически все известные измерения стратификации: человеческие ресурсы, профессионально-квалификационные характеристики, поведение в сфере культурного потребления, параметры обладания собственностью, место управленческой иерархии и многие другие.

Однако сравнительный контекст, который отличает данное исследование от задач, поставленных ранее, обусловил поиск такого источника информации, который предоставлял бы схожие возможности для осуществления стратификационных исследований при сопоставимости схемы и признакового пространства национальных выборок. Не менее важным аспектом такого выбора являлась доступность и признание соответствующего источника в среде экспертов, занимающихся аналогичными проблемами.

³ Общий итог этим исследованиям подведен в монографии *Шкартан О.И.* и коллектив. Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России. М.: Олма Медиа Групп, 2009.

Выбор был остановлен на одном из наиболее масштабных проектов по сбору сравнительной информации о населении стран Европы, инициированных за последнее десятилетие, – проекте *European Social Survey*⁴ (или *Европейское социальное исследование*). Значимость этого проекта для европейской социологии подтверждает тот факт, что впервые в истории общественных наук он был удостоен премии Декарта за вклад в научные достижения. Одним из основных преимуществ ESS являются единые методы построения выборки, сбора информации, организации и обработки данных, применимые для всех стран-участниц – на сегодняшний день в проект вовлечены 34 страны Старой и Новой Европы, включая Россию, которая стала его участником в 2006 году. Благодаря такой организации ESS является одним из наиболее привлекательных источников компаративной информации о социальных, культурных и политических изменениях, которые претерпевают современные европейские общества в процессе своей трансформации и взаимной интеграции.

Сбор данных по программе обследования осуществляется регулярно каждые два года методом выборочного опроса населения стран-участниц. Размеры выборки варьируются по странам и составляют от 1500 до 3000 респондентов (население старше 15 лет). На данный момент в открытом доступе имеются материалы четырех волн, проведенных в 2002, 2004, 2006 и 2008 гг. Финансирование исследования в значительной степени осуществляется за счет средств Европейского научного фонда и частично за счет средств региональных организаций, заинтересованных в распространении результатов исследований.

Не менее важной особенностью, обуславливающей выбор *European Social Survey* в качестве эмпирической базы для данного исследования, является и то, что часть признаков, представляющих особый интерес с точки зрения изучения классовой структуры европейских обществ, уже закодирована в нем с учетом соответствующей возможности. Речь идет, прежде всего, о наборе индикаторов, позволяющих с высокой точностью определить положение респондента в системе трудовых отношений, оценить степень автономности и сложности их труда, установить статус занятости и соответствующий ему основной источник дохода и т.д.

Своеобразной формой, языком, с помощью которого исследователи дают объяснение принципам социальной и экономической дифференциации в различных обществах, являются стратификационные схемы, выстраиваемые на основе теоретических концепций. Качество этих схем на эмпирическом уровне определяется их способностью продуцировать однородные по своему составу социальные группы, которые вследствие этого признаются исследователями как объективные или, в другой терминологии, реальные⁵. Выражаясь языком математики, при условии скрупулезно выполненной операционализации классов на основе отдельно взятой теории соответствующая сущности этих классов переменная должна находиться в

⁴ Исчерпывающую информацию об обследовании см. в Интернете: <http://ess.nsd.uib.no>; <http://www.ess-ru.ru>; <http://www.cessi.ru/index.php?id=141>.

⁵ Концептуализация понятия реальной (гомогенной) социальной группы, включая некоторые соображения по операционализации этого понятия в практике эмпирических исследования подробно рассмотрены нами в: *Шкратан О.И., Ястребов Г.А.* Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 3.

тесной корреляции с другими признаками, которые признаются по отношению к «классу» подчиненными, как то: характеристики уровня и образа жизни, социального и экономического поведения и т.д.

Определив общий теоретический контекст исследовательской ситуации, который предполагает различие принципов социально-экономической дифференциации в обществах, принадлежащих к различным цивилизационным ареалам, с учетом только что высказанных соображений можно сформулировать операциональную гипотезу о том, что объективность существования социальных классов, выделенных в соответствии с распространенными сегодня теоретическими взглядами на устройство современных, как правило, позднеиндустриальных обществ, в меньшей степени будет характерна для стран, более всего удаленных от ядра капиталистической мир-системы (другими словами, *восточных* в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток», или *южных* – в дихотомии «Север-Юг»). Другими словами, можно рассчитывать, что полученные для соответствующих стран группировки (будь это Голдторп, Райт или просто критерий профессиональной принадлежности) окажутся менее устойчивыми и менее однородными вследствие слабости или практического отсутствия институциональных механизмов, приводящих в соответствие обладание определенными ресурсами и критерии классовой ситуации.

Одним из наиболее понятных критериев, с помощью которого можно определить адекватность стратификационной модели эмпирически фиксируемой реальности, является критерий однородности получаемых с помощью данной модели группировок. Однако этот критерий не является достаточным. Для исследователей, занимающиеся изучением общества, понятие «социальный класс» представляет собой весьма ёмкий инструмент, с помощью которого ученые стремятся объяснить целый ряд явлений, имеющих отношение к неравному распределению ресурсов внутри общества, особенностям поведения людей, их жизненным установкам и т.д. Таким образом, необходимо, чтобы понятию «класс» не только соответствовала определенная гомогенность по составу отражающих его содержание характеристик, но и чтобы само это содержание значимо отличало его от других «классов».

Если перед исследователем стоит задача проверить применяемые теоретические схемы и попытаться непредвзято выявить группообразующие критерии из всего пространства признаков, характеризующих исследуемую совокупность, в математическом смысле она может быть разрешена с помощью метода энтропийного анализа. В общем виде принцип, на котором основан данный метод, можно описать следующим образом. При выделении из всего набора доступных исследователю социальных свойств таких пространств признаков (комбинаций этих свойств), для которых значение энтропии (или меры неопределенности заполнения конкретного пространства) является минимальным, в этих пространствах будут наблюдаться наименьшие отклонения от средних значений рассматриваемых социальных свойств. Близость значения энтропии отдельного признакового пространства, т.е. ограниченной комбинации социальных признаков, к минимальному указывает на значимость данного подпространства среди множества всех социальных пространств в рассматриваемой совокупности респондентов. Понимая под социальным неравенством различие респондентов по всему составу рассматри-

ваемых нами социальных свойств, на основе энтропийного анализа можно проанжировать все связки признаков по той степени, в которой они упорядочивают исследуемую совокупность. Тем самым появляется возможность непредвзятого решения проблемы выделения наиболее значимых факторов неоднородности социального макространства, т.е. критериев социального неравенства в исследуемом обществе. За подробным математическим описанием метода читатель может обратиться к одной из предыдущих публикаций автора, включая более ранние оригинальные исследования с его применением [Таганов, Шкаратан 1969; Шкаратан, Сергеев 2000; Сергеев 2002; Шкаратан, Ястребов 2007; 2008; 2009 и т.д.].

Как можно было бы интерпретировать результаты энтропийного анализа в его приложении к такой задаче, как определение валидности стратификационных схем вообще и их конститутивных (группообразующих) критериев в частности. Возьмем некоторое сочетание из n социальных признаков, представляющих собой некоторые значимые измерения стратификации. Что означает «наиболее плотное» заполнение такого n -мерного пространства? Если развить метафору, представляющую последнее в форме «жилого дома», то сочетания конкретных значений признаков предстанут перед нами в форме множества «квартир». Чем плотнее будут «заселены» респондентами (т.е. реальными наблюдениями) отдельные «квартиры» этого «дома» и чем большее количество этих квартир останется пустовать, тем большая степень неоднородности заполнения будет характеризовать этот «дом» (пространство). Более строго это означает, что в данном конкретном пространстве, то есть в размерности данных конкретных измерений социального неравенства, существует определенный порядок заполнения социальными наблюдениями содержащихся в пространстве ячеек. В этом случае можно интерпретировать ячейки («квартиры») как возможные «социальные классы». При этом совершенно необязательно иметь какие-либо априорные предположения о характере связи между анализируемыми признаками, что, кстати, является одним из наиболее серьезных ограничений при использовании в стратификационных исследованиях такого распространенного сегодня метода, как регрессионный анализ.

Пояснить метод энтропийного анализа можно на еще одном конкретном примере. Допустим, стоит задача проверить гипотезу о том, что в некотором развитом обществе имеется эффективно функционирующий рынок труда, обеспечивающий согласно принципам «веберовской» рациональной экономики соответствие между параметрами доходов, уровнем квалификации и родом занятий. При этом в качестве объекта для сравнения взято другое общество, где этот рынок только формируется – назовем его условно «постсоциалистическим». Для того чтобы проверить это пусть и весьма грубое предположение с помощью энтропийного анализа, необходимо операционализировать гипотезу в форме адекватной используемому методу и представить себе систему неравенства в форме пространства соответствующих эмпирически фиксируемых признаков («уровень дохода – образование – род занятий»). Тогда неслучайность заполнения этого пространства, то есть наличие взаимной связи между образующими его тремя признаками, можно рассматривать как следствие функционирования соответствующего механизма – рынка труда. Грубо говоря, на эмпирическом уровне показатель неоднородности заполнения для рассматриваемых пространств «уровень дохода – образование – род занятий»

в «постсоциалистических» странах, вероятнее всего, будет выше, чем в странах более развитых.

Задача определения того специфического типа неравенства, который согласно выдвинутому ранее предположению сформировался в некоторых постсоциалистических странах, таким образом, может быть сведена к проверке серии предположений об универсальности принципов социально-экономической дифференциации, которые традиционно рассматриваются современными теоретиками.

Эмпирический анализ различий в характере социально-экономической дифференциации европейских стран

Модель анализа, которая лежит в основе сравнения классовых схем, можно рассматривать как в известной степени традиционную для большинства сравнительных стратификационных исследований, целью которых является критический анализ существующих классификаций и их последующее уточнение для осуществления международных сравнений [Bergman, Joye 2001; Leiulfsrud, Bison, Jensberg 2005 и др.]. Эта модель предполагает конструирование «социальных классов» на основе ключевых критериев, получивших обоснование в рамках той или иной теории, а затем использование этих «классов» в качестве своеобразного интегрального индикатора социально-экономического положения. Что характерно, выделенные таким образом «классы» рассматриваются затем исследователями в качестве объективно существующих – основной проблемой они признают определение соотношения и наполнения этих «классов» в подлежащих анализу обществах.

В действительности за подтверждением реальности получаемых таким способом группировок далеко ходить не приходится: соответствующее разделение в европейских обществах находит свое отражение не только в классово окрашенных коллективных выступлениях (профсоюзные протестные акции), но и весьма распространенной сегодня в Европе взаимной идентификации на основе принадлежности к «белым» или «синим воротничкам» и т.п. С другой стороны, эта ситуация в меньшей степени характеризует восточноевропейские страны, где относительная пассивность социальных групп на фоне резко обострившихся в условиях мирового финансового кризиса проблем социально-экономического характера ставит под сомнение тезис о «классовости» соответствующих обществ. Здесь, однако, стоит подчеркнуть, что формирование «классового сознания» или определение «классовых интересов» лежат за рамками задач, поставленных в настоящем исследовании. Как уже не раз отмечалось, более важной задачей с точки зрения изучения фундаментальных принципов, управляющих социально-экономической дифференциацией в различных обществах, является сравнительный анализ объективных закономерностей, которые существуют вне зависимости от мнений и представлений людей и являются в большей мере объективным результатом функционирования соответствующих институтов.

Начнем с того, что различия в рассмотренных выше теоретических подходах между неовеберианцами, неомарксистами и функционалистами автором не

рассматриваются как фундаментальные, поскольку в основе всех этих подходов лежит такой фактор как неравное размещение социально-профессиональных позиций. Эмпирически это с легкостью подтверждается результатами взаимного наложения рассмотренных стратификационных иерархий, которые свидетельствуют о том, что при соблюдении определенных правил можно с легкостью переходить из одной системы классификации в другую. Таким образом, вне зависимости от акцентов, которые расставляют на тех или иных составляющих классовой ситуации различные исследователи, элементарные критерии остаются одними и теми же: *отношения занятости (employment relations)*, на основе которых выделяются самозанятые и наемные работники, и *род занятий (occupation)*, который в том числе на операциональном уровне (как, например, в случае с ISCO-88) уже включает ряд важных параметров, определяющих стратификацию в рыночных обществах – уровень образования и квалификации, условия и содержание труда и т.д. Характер связи между этими факторами и производными от «классовой ситуации» параметрами социально-экономической ситуации и поведения закладывается по существу, уже на этом, базовом уровне.

Альтернативой конструированию интегрального показателя «классовой ситуации» на основе производных параметров является, как уже было сказано, более непредвзятый метод энтропийного анализа, позволяющий эмпирически определить степень гомогенности распределения основных характеристик, описывающих классовое положение⁶.

Современные стратификационные схемы (классификации), отражающие альтернативные подходы к анализу социального неравенства, представляют собой процедуры комплексного комбинирования информации о социально-экономическом положении индивидов на основе некоторой системы базовых признаков. Системы этих признаков могут быть разложены на элементарные критерии с целью дальнейшей эмпирической проверки их реальной значимости в качестве факторов, влияющих на те или иные параметры «классового положения». При этом можно рассматривать эти факторы как взаимосвязанные (вспомнить хотя бы цитировавшееся ранее утверждение Маркса о том, что отношение к средствам производства, определяет заранее заданный круг занятий, которыми могут заниматься люди), так и существующие друг от друга независимо (например, отношения занятости и уровень квалификации). И если данный нюанс является существенным при спецификации аналитической модели на основе регрессионного аппарата, то в случае с энтропийным анализом можно *a priori* не классифицировать переменные на зависимые и независимые – важно как можно объективнее определить то, насколько случайным или неслучайным является распределение людей в рассматриваемой системе признаков⁷.

⁶ Или, наоборот, *неклассовое положение*: в смысле отсутствия «классов» в качестве основных компонент социальной иерархии в обществах иного западноевропейского (шире – неатлантического) типа.

⁷ Привычными инструментами исследования связей между явлениями в современной социологии являются различные модификации коэффициентов парной сопряженности, коих было разработано огромное множество (Пирсона, Спирмена, Кендалла, Крамера, Чупрова и т.д.). Предложенный в 1969 г. И.Н. Тагановым коэффициент неоднородности заполнения пространства HN на основе меры энтропии информации (подробнее см. раздел

В связи с этим перейдем к анализу пространств, объединяющих в себе, с одной стороны, *критерии-факторы* (определяющие классовое положение/положение в системе социального неравенства), а с другой – *критерии-результаты* (как критерии, результирующие из классового положения/положения в системе социального неравенства).

Из всего возможного множества пространств, внимание было сфокусировано на тех, которые, по мнению автора статьи, более всего соответствуют рассмотренным выше трем основным подходам к стратификации: условно неовебериянскому (Дж. Голдторп), условно неомарксистскому (Э.О. Райт) и стратификации на основе рода занятий (ISCO-88). Информация о *критериях-факторах*, выделенных на элементарном (дезагрегированном) уровне в рамках каждого из представленных подходов к социально-классовому членению, систематизирована в *таблице 2*.

Чтобы значительно не усложнять процедуру энтропийного анализа, которая оказалась крайне чувствительной к размерности пространств⁸, при отборе *критериев-результатов* было решено ограничиться простым показателем, традиционно используемым для верификации любых стратификационных моделей – показателем *дохода*. При всей остроте дискуссии вокруг адекватности использования данного показателя для оценки материального положения хотелось бы сделать следующее замечание. Разумеется, иметь на вооружении тонкий инструмент, позволяющий с высокой точностью диагностировать материальное положение респондентов, хотелось бы любому исследователю, и автор статьи здесь далеко не исключение. Тем не менее, он также решительно настроен против чрезмерного усложнения социальной информации⁹, поскольку подобные манипуляции таят в себе не меньшую опасность искажения социальных фактов. В связи с этим, а также в связи с отсутствием в чистом виде показателя дохода в материалах *European Social Survey* было принято решение использовать субъективную оценку материального положения, которую респондент дает по отношению к уровню доходов домохозяйства, к которому он принадлежит¹⁰. В этом есть определенный резон, не в последнюю очередь связанный с особенностью метода, на который автор опирается в своем исследовании. Учитывая, что характер распределения этих оценок крайне подвержен такому фактору, как общий уровень социально-экономической ситуации в отдельно взятой стране, справедливо было бы предположить, что в анализе используется заведомо дефектный показатель. Однако с точки зрения математического функционала энтропийного анализа этот аргумент лишен смысла,

2.3) имеет в этом смысле то преимущество, что может рассматриваться в качестве своеобразного коэффициента n -мерной связи.

⁸ Для осуществления расчетов была использована программа, написанная на языке Visual Basic для Microsoft Excel группой программистов под руководством профессора ГУ-ВШЭ Э.Б. Ершова.

⁹ Речь идет о громоздких процедурах, которые позволяют «выпрямлять» соответствующую информацию с учетом косвенных показателей и эмпирически вычисляемых корректирующих коэффициентов.

¹⁰ В российской части опроса 3-й волны *European Social Survey*, прошедшей в 2006 г. вопрос звучал следующим образом: «Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?». Респондентам предлагались четыре варианта ответа: «1. Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений», «2. Этого дохода нам в принципе хватает», «3. Жить на такой доход довольно трудно», «4. Жить на такой доход очень трудно». Аналогичный вопрос с аналогичными вариантами ответа задавался и гражданам остальных стран-участников опроса.

поскольку данный метод рассматривает все шкалы в качестве номинальных и фиксирует исключительно то, насколько неслучайными являются отклонения от наиболее типичных распределений значений признаков по этим шкалам.

Таблица 2. Критерии-факторы классовой ситуации в альтернативных стратификационных схемах

Подход	Критерии-факторы	Возможные градации на основе доступной информации в <i>European Social Survey</i>
на основе ISCO-88	<i>род занятий</i>	На основе ISCO-88, 1-значный код
	<i>уровень квалификации/образования</i>	Унифицированная 5-балльная шкала
на основе классов Дж. Голдторпа	<i>тип контракта</i>	«срочный», «бессрочный», «нет контракта»
	<i>статус занятости</i>	«работодатель», «наемный работник», «ИТР и индивидуальное предпринимательство»
	<i>уровень квалификации/образования</i>	Унифицированная 5-балльная шкала
на основе классов Э. Райта	<i>статус занятости</i>	«работодатель», «наемный работник», «ИТР и индивидуальное предпринимательство»
	<i>место в иерархии управления</i>	Упрощенная 6-балльная шкала
	<i>уровень квалификации/образования</i>	Унифицированная 5-балльная шкала

Примечание: более детальное описание признакового пространства на основе материалов *European Social Survey* см. в приложении 1

Еще одним аргументом в пользу использования субъективной оценки дохода в качестве аппроксимации материального положения респондентов стало то, что эта оценка очень тесно связана с размещением последних на соответствующей интервальной шкале¹¹.

Определившись с признаковыми пространствами, подлежащими изучению, можно приступить к анализу эмпирических результатов, которые были нами получены. Первое такое пространство было представлено, пожалуй, интуитивно наиболее понятной системой измерений неравенства «род занятий – уровень квалификации/образования – доход». Все мы, как правило, в обыденном наблюдении стратифицируем окружающих именно по этим трем основным признакам. Причем, эта система стратификации является в какой-то мере универсальной для любых современных обществ: с одной стороны, им присущ определенный технико-технологический порядок, порождающий профессионально-квалификационное разделение труда, выраженное в системе профессий и занятий; с другой – в каж-

¹¹ Коэффициент ранговой корреляции Спирмена для этих двух показателей по выборке всех стран, вошедших в ESS в 2006 г., составил 0,577. Стоит отметить, однако, что единого алгоритма приведения к сопоставимому показателю данной шкалы по всем странам-участникам обследования не существует. В частности, в России и Болгарии интервальная шкала доходов в 3-й волне ESS представлена лишь 5-ю возможными интервалами (тогда как по другим странам – 12-ю). При более детальном изучении документации обследования [<http://ess.nsd.uib.no/ess/round3/fieldwork.html>] у автора возникли вопросы к тому, как были получены эти группировки, не говоря уже о возможности их использования в сравнительном исследовании.

дом из них воспроизводится и развивается соответствующий институт профессионального образования, обеспечивающий подготовку индивидов для выполнения разных видов деятельности; и, наконец, доход тоже представляет собой важное измерение стратификации как результат функционирования механизма, обеспечивающего распределение материальных благ в обществе.

Возвращаясь к центральной проблеме исследования, автор стремился ответить на вопрос о том, насколько «справедливым» (закономерным) является размещение индивидов в системе этих измерений в различных обществах? Сильны ли в действительности те институциональные связи, которые приводят во взаимное соответствие уровень профессиональной подготовленности людей, уровень их материального достатка и место, занимаемое ими в системе функционального разделения труда?

На *рисунке 1* отражены результаты, полученные в итоге оценивания критерия H_N (степени неоднородности) для соответствующих пространств. В целях удобства здесь и далее цветом были выделены страны, которые исторически и культурно являются носителями разных цивилизационных особенностей. Каков итог?

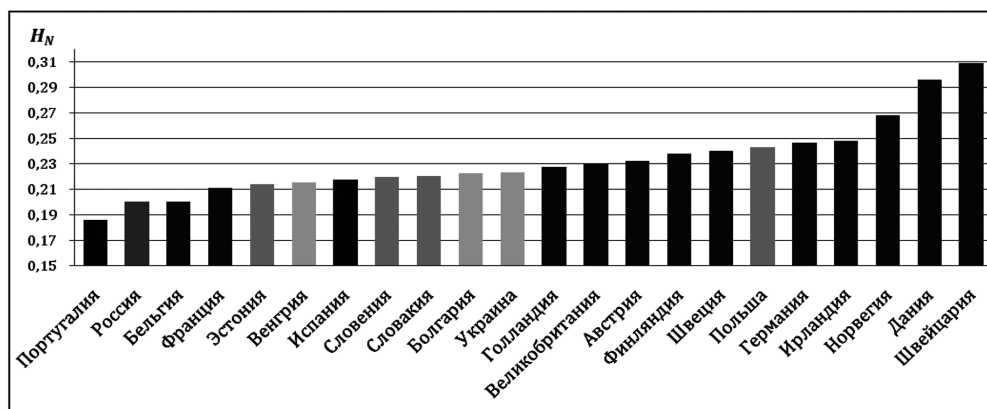

Рис. 1. «Справедливость» социально-экономического неравенства в странах Европы

Примечание: в показателях неоднородности заполнения пространства H_N «образование – род занятий – доход»

Как видно, строгого соответствия между степенью удаленности стран от ядра так называемой этакратической мир-системы, крайним представителем которого в списке представленных стран является Россия, в действительности не наблюдается. В то же время распределение стран по степени закономерности распределения индивидов в соответствующей системе стратификации («род занятий – уровень квалификации/образования – доход») не является, по мнению автора статьи, случайным.

Согласно представленной диаграмме, Россию, соседствующую с Португалией, характеризует один из наиболее низких показателей H_N , соответствующих вы-

сокой хаотичности размещения респондентов в указанном пространстве (0,199)¹². Это сходство в значительной мере является отражением схожей ситуации на рынке труда в обеих странах, поскольку, очевидно, ни Португалию, ни Россию нельзя отнести к числу стран, в которых этот рынок можно считать развитым. Несколько обескураживающим выглядит, с другой стороны, соседство с Бельгией и, в меньшей степени, Францией, поскольку эти страны в принятой автором теоретической модели совершенно четко классифицируются как страны, относящиеся к ядру обществ, для которых сильный институт рынка труда является одной из исторически обусловленных черт европейской цивилизации.

Тем не менее, за исключением двух, в общем-то, девиантных случаев – Франции и Бельгии, дальнейшие результаты энтропийного анализа не выглядят неожиданными. Остальные бывшие социалистические страны, которые были включены в программу *Европейского социального исследования* – Эстония, Венгрия, Словения, Словакия, Болгария и Украина – тесно расположились в одном узком интервале (0,214–0,222) по степени закономерности распределения респондентов в рассматриваемой системе стратификации. Такое неслучайное соседство можно считать как нельзя лучшим свидетельством институциональной однородности стран, некогда принадлежавших к единому социалистическому лагерю, но в отличие, скажем, от России сохранивших и воспроизведших в новых социально-экономических условиях те институциональные формы, которые были свойственны им как странам, в большей мере, чем Россия, тяготеющих к европейскому цивилизационному ареалу. Одновременно стоит признать, что логика расположения этих стран внутри данной группы не дает серьезных оснований утверждать, что, например, Украине (0,222), относимой нами к полупериферии этакратической мир-системы, соответствующие черты свойственны в большей степени, чем той же Эстонии (0,214), лежащей на ее периферии. Испания, «затесавшаяся» в среде представленных стран, в меньшей степени представляется случайным примером, поскольку в ее случае действует примерно та же логика, что и с Португалией (*подробнее см. ниже*).

Пример столь обособленно расположившейся по отношению к прочим постсоциалистическим странам Польши (0,243) в какой-то степени отвечает исходным представлениям: эта страна лежит на самой границе «постсоциалистического» мира и является сегодня органичной частью современной Европы в той же степени, в какой она оставалась рыночной и «диссидентской» по отношению к массе государств, входивших в состав «социалистического блока», в середине прошлого века. Общий же взгляд на то, как выстроились по отношению друг к другу страны Старой Европы, ни по одной из своих сущностных характеристик не являвшихся частью этакратического мира, по крайней мере, не вызывает никаких напряжений с точки зрения тех теоретических сюжетов, которые подлежат эмпирической верификации в настоящем исследовании.

¹² Само по себе соседство с Португалией не выглядит странным, учитывая и поныне ощутимые последствия жесткого политического режима диктатора Антониу ди Салазара, получившего название «Нового государства» и просуществовавшего в этой стране вплоть до 1974 г. Неудивительное сходство современного российского режима с салазаровским, несмотря на то, что со времени ликвидации последнего почти 40 лет назад, не могло не сказаться на сходстве социальной структуры этих стран.

Общим предварительным выводом из тех результатов, которые были получены при рассмотрении системного признакового пространства «род занятий – уровень образования – доход», может являться то, что рассмотренные измерения стратификации являются в значительной степени производными от того, насколько сильно развитой является в нем такая институциональная компонента как рынок труда (что соответствует поляризации стран на развитые и постсоциалистические на *рисунке 1*).

Таким образом, система координат, применяемая для анализа социального неравенства в развитых западных обществах и, как уже не раз отмечалось, описывающая соответствие доходов, параметров человеческого капитала и социально-профессионального статуса, с высокой вероятностью теряет свою объясняющую способность в европейских обществах, тяготеющих к евразийскому цивилизационному ареалу. Другими словами, вероятность формирования реальных (гомогенных) социальных групп в соответствующих пространствах в обществах этакратического типа заметно ниже.

Рассмотрим теперь одну из наиболее широко распространенных концептуализаций этого подхода – известную классовую схему английского социолога Дж. Голдторпа, которая наиболее часто используется для анализа социального неравенства и социальной мобильности в странах Европы. Пространство признаков, подлежащее энтропийному анализу, в этом случае операционализируется следующим образом: «тип контракта – род занятий – статус занятости – доход – риск безработицы». Риск безработицы (как отдельный результирующий критерий классовой ситуации по Дж. Голдторпу) является в данном случае неслучайным, поскольку он традиционно включается британским социологом в свою объяснительную модель, как одна из категорий, отражающих «жизненные шансы» людей (в данном случае «карьерные шансы») [Chan, Goldthorpe 2007].

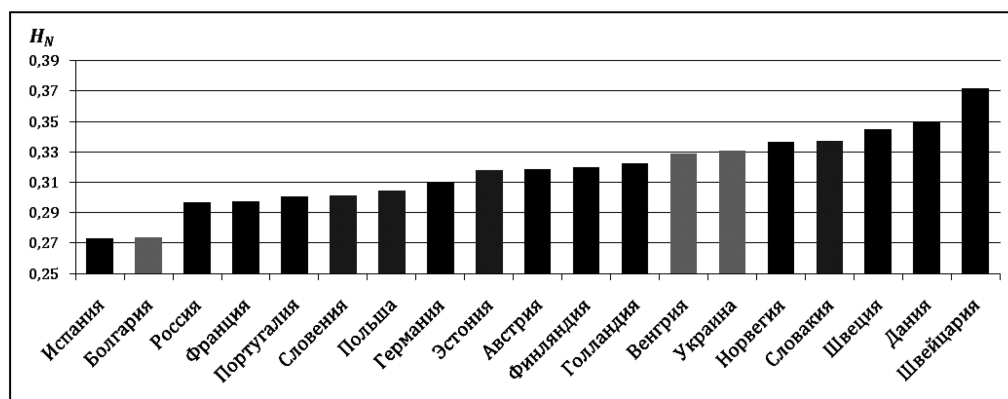

Рис. 2. Объясняющая способность схемы Дж. Голдторпа (EGP) для различных стран Европы

Примечание: в показателях неоднородности заполнения пространства H_N «тип контракта – род занятий – статус занятости – доход – риск безработицы»

Результаты анализа представлены выше (см. *рисунок 2*). Как видно, среди стран, демонстрирующих наивысший уровень соответствия между указанными признаками, оказались Швеция, Дания и Швейцария – одни из самых передовых стран старой Европы. Соседство скандинавских стран как, кстати, и в предыдущем примере (см. *рисунок 1*) не является случайным: по всей видимости, действующая модель социально ориентированного экономического развития на основе соблюдения принципов государства всеобщего благосостояния, которое с определенной долей иронии можно охарактеризовать как «социалистические», пребывает в большем соответствии с логикой распределения жизненных шансов между людьми по Дж. Голдторпу, чем в прочих развитых европейских странах.

С другой стороны, вновь можно обнаружить Испанию, Россию и, что характерно, расположившуюся рядом Болгарию – здесь соответствие между указанными признаками минимально. И кстати сказать, пример Испании в этом отношении не представляется неожиданным, поскольку эта страна принадлежит к европейскому цивилизационному ареалу только условно – она представляет часть пограничной иберо-европейской цивилизации. Кстати сказать, полученный здесь результат перекликается с тем, что был прокомментирован выше для Португалии (см. *рисунок 1*). Как известно, специфику пограничных цивилизаций (к ним обычно относят Россию, Латинскую Америку, Пиренейский и Балканский регионы) определяет, в отличие от «классических», доминанта многообразия. Применительно к взаимодействию этих цивилизаций с ядром западноевропейской (шире – западнохристианской европейской) они сохраняют следы многовекового влияния контактов с соседствовавшими и соседствующими цивилизациями. Применительно к Испании и Португалии – с мусульмано-арабской культурно-цивилизационной общностью, применительно к балканским странам – с тюрко-мусульманской [Ионов 2008; Шемьякин 2001, 2007].

В целом полученные результаты демонстрируют, что объясняющая способность голдторповской стратификации, которая исходит из теоретического предположения об опосредованности последней рынком труда (в большей степени) и статусом занятости (в меньшей), в отличие от более простой системы стратификации (по роду занятий и уровню квалификации), не позволяет дифференцировать страны по степени обусловленности функционирования соответствующих институтов этакратическим влиянием. И если пример Польши, Словении и Эстонии вполне укладывается в теоретические рамки, определенные выше, то степень неоднородности, характеризующая закономерность размещения индивидов в голдторповской схеме, для таких постсоциалистических стран как Венгрия, Украина и Словакия, в каком-то смысле, противоречит постулату о том, что характер неравенства в этих странах должен иметь определенное сходство с теми образцами, которые наблюдаются для этакратических стран (например, в России).

Наконец, третья схема, описывающая место человека в системе социального неравенства и получившая отражение в рамках развития неомарксистского подхода Э.О. Райтом, позволяет операционализировать классовую ситуацию на основе таких параметров, как статус занятости, уровень квалификации в профессии, место в иерархии управления. Для анализа было сконструировано соответствующее пространство, отражающее все значимые измерения стратификации по Э.О. Райту,

добавив к ним, как и в двух других примерах, параметр материального положения (доход). Результаты анализа отражены на *рисунке 3*.

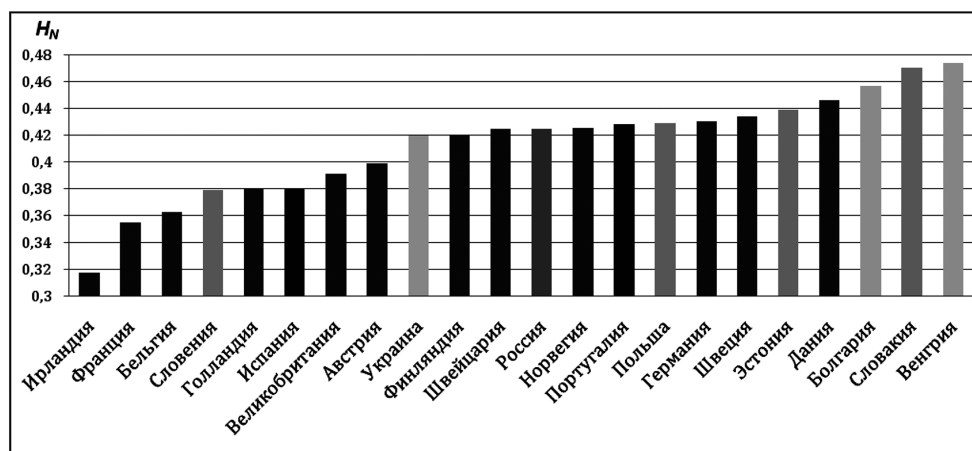

Рис. 3. Объясняющая способность схемы Э.О. Райта для различных стран Европы

Примечание: в показателях неоднородности заполнения пространства H_N «статус занятости – уровень образования/квалификации – место в иерархии управления – доход»

Согласно полученным результатам, в отличие от анализировавшихся выше двух других случаев, нельзя с какой-либо уверенностью констатировать связь между применимостью райтовской стратификационной схемы и характером расположения стран в дихотомии «Запад-Восток». При ранжировании обществ по степени неоднородности H_N обращает на себя внимание не только «хаотичность» их расположения в контексте цивилизационной принадлежности, но и довольно высокие (по отношению к ранее рассматривавшимся) уровни соответствующего показателя: от 0,317 в Ирландии до 0,474 в Венгрии. С одной стороны, такая ситуация характеризует относительно более высокую плотность заполнения пространств наблюдениями при соблюдении условия их неоднородности, что свидетельствует о более высокой степени кристаллизации классов в рассматриваемой системе неравенства в равной степени для всех обществ. С другой стороны, это говорит о том, что логику классовообразования по Райту (читай – Марксу) в какой-то степени можно считать универсальной для всех обществ, так или иначе, следующих по пути капиталистического развития, и не зависящей от макроструктуры, обусловленной цивилизационной принадлежностью.

К сожалению, на основании столь неоднозначных результатов эксперимент с эмпирической верификацией схемы Э.О. Райта нельзя признать удачным. Одной из возможных причин в данном случае может быть не совсем корректная операционализация классовой ситуации, однако автор статьи исходил из того, что пользуется лучшей операционализацией на основе тех признаков, которые были доступны. Другой, не менее вероятной причиной может быть недостаточная проработка категории «класс» по Э.О. Райту и ее более точная спецификация по отношению к

той категории, которая была предложена выше для объяснения неравенств в обществах этакратического типа – *сословия*. Одним из базовых критериев выделения *сословий*, согласно исходно принятым автором теоретическим представлениям [в частности, см. *Шкаратан, Ястребов 2008*], является место в системе иерархии власти (как в конкретной организации, так и в политической системе общества в целом), которое у Райта также присутствует в качестве одной из компонент «классовой» ситуации, характеризующей отношения эксплуатации. Подобное терминологическое сближение, впрочем, не так уж случайно, если верить соображениям немецкого социолога В. Теккенберга, который уделил немало внимания изучению стратификации в обществах советского типа. Им, в частности, показано, что формирующиеся на основе схожей социально-профессиональной ситуации и места в управленческой иерархии группы при определенных обстоятельствах могут выкристаллизовываться в форме сословий. Этими обстоятельствами, согласно мнению В. Теккенберга, является государственный способ производства, при котором неравенство определяется формой бюрократического и профессионального контроля за доступом к определенным видам ресурсов [*Teckenberg 1977; 1981–1992; 1989*]¹³.

Таким образом, небезосновательно полагать, что в схеме Э.О. Райта происходит взаимное наложение собственно классовой ситуации (определяемой сугубо на основе отношений к средствам производства), социально-профессиональной стратификации (через дифференциацию по уровню образования/квалификации) и *сословной* (на основе места в иерархической системе отношений власти). Это, в свою очередь, вызывает столь неоднозначный результат, полученный в ходе анализа. В любом случае, в дальнейшем предполагается развить эти идеи и, в частности, уделить особое внимание изучению роли неклассовых принципов социально-экономической дифференциации.

В основу расчетов были положены материалы *European Social Survey* как уникального источника сравнительной информации по большинству европейских стран, включая постсоциалистические. Однако использование этих материалов, как и в преимущественном числе других случаев, когда исследователи прибегают к вторичному анализу данных, собранных не для целей запроецированного ими исследования, вызывает определенные сложности. Так, в частности, о месте страны на шкале «поздний индустриализм (посткапитализм западного типа) – неоэтакратизм евразийского типа» можно судить лишь по косвенным показателям. Представляется, что важнейшим из таких косвенных критериев является степень меритократизма как принципа формирования национальной элиты. Прямое же измерение ключевых показателей таких ресурсов общества, как власть (*power*) и собственность, по материалам ESS реализовать невозможно.

¹³ Следует добавить, что в традиционно применяемой в американской и в значительной части европейской социологии веберовская концепция статусных групп, как показал тщательный анализ В. Теккенберга и Э. Шойха, по существу, у самого Вебера является концепцией сословий, строящихся на основаниях престижа наследуемого положения, а также образа жизни и уровня формального образования. И это отнюдь не удивительно, если принять во внимание, что в немецком языке понятие «сословие» и «статус» выражаются одним и тем же словом *Stand*. Тем не менее, автор придерживается точки зрения, согласно которой «статусная группа» является родовидовым понятием по отношению к «сословию».

В современной литературе наибольшее признание получила типология существующих стратификационных систем, предложенная профессором Д. Груски. В соответствии с этой типологией на смену классовой системе индустриального общества приходит «продвинутый» индустриализм, именуемый другими авторами информационным (сетевым) обществом, постиндустриальным обществом и т.д. Необходимо заметить, что главной ценностью, главным строительным материалом этого современного складывающегося общества, в отличие от классового индустриального, являются не экономические ресурсы (средства производства), а человеческие (образование, знания и опыт) [Grusky 2001, p. 9].

Совершенно очевидно, что из такого подхода к динамике современных обществ следует вывод об изменении характера элиты. Если в основе классовой системы лежит формирование элиты, отличающейся контролем над основными средствами производства (в ином концептуальном контексте – контрольными позициями на рынке труда), то при «продвинутом» индустриализме (информационном обществе) контрольные позиции занимают люди в зависимости от своих заслуг перед обществом, связанных, прежде всего, с их креативным вкладом в инновационные процессы, происходящие в данном обществе.

Другой крупный социолог М. Кастельс именовал эту меритократически продвинутую часть общества информационными работниками. В этой системе классовая иерархия переплетается со все более усиливающейся иерархией по владению человеческим и культурным капиталами. Это означает, что в современную информационную эпоху все более возрастающее значение приобретает такой фактор неравенства и формирования высшего общественного слоя как способность людей усваивать информацию и применять полученные знания и навыки в своей деятельности, то есть реализовывать свой интеллектуальный капитал. Таким образом, общественная иерархия начинает выстраиваться вдоль шкалы, измеряющей не только физический, но и интеллектуальный капиталы индивидов и групп [Брукинг 2001; Химанен, Кастельс 2002; Кастельс 2000; Валлерстайн 2003].

Все вышесказанное относится к исследуемому нами региону (то есть к постсоциалистическим странам, взятым в связке с остальными европейскими странами) в той мере, в какой эти страны могут быть отнесены к посткапиталистическим. Как показывает анализ исследований зарубежных и отечественных авторов, с наибольшей выраженностью эти свойства относятся, прежде всего, к США и в меньшей мере к западным европейским странам.

Что касается постсоциалистического мира, который является непосредственным предметом анализа в данной статье, то можно предположить, что в таких странах, как Россия и другие неэтакратические государства, роль меритократического принципа в формировании элиты, пополнении ее рядов, в весьма слабой степени связана с социальной селекцией по креативному критерию.

Поэтому можно предположить, что и в общественном восприятии, и в реальной социальной селекции степень выраженности меритократических принципов соответствует месту страны на шкале между информационным (сетевым) и неэтакратическим обществами. С этой точки зрения рассмотрим итоги анализа материалов *European Social Survey* по европейской группе стран.

Таблица 3. Связь между степенью восприятием меритократического принципа в распределении общественного богатства и степенью «справедливости» неравенства в разрезе европейских стран

Группы стран	Страна	Степень восприятия меритократического принципа	Степень «справедливости» неравенства ¹⁴
Условно: европейского цивилизационного ареала	Швейцария	37,6	0,309
	Норвегия	36,9	0,268
	Дания	33,6	0,296
	Австрия	32,3	0,232
	Швеция	32,2	0,240
	Голландия	31,7	0,228
	Ирландия	30,9	0,248
	Бельгия	30,0	0,201
	Великобритания	27,7	0,230
	Испания	25,3	0,217
	Франция	23,7	0,211
	Германия	23,0	0,247
	Финляндия	22,8	0,238
Постсоциалистические страны	Португалия	14,7	0,186
	Словения	22,4	0,220
	Эстония	18,3	0,214
	Словакия	17,8	0,220
	Болгария	14,2	0,223
	Венгрия	12,1	0,215
	Россия	10,2	0,200
	Украина	10,1	0,223
Польша	9,9	0,243	
Коэффициент ранговой корреляции Спирмена (в скобках – уровень значимости)		0,554 (0,007)	

Несмотря на сложности, которые возникли с эмпирической верификацией принципов классовой дифференциации, выше все же были обнаружены определенные свидетельства в пользу того, что в обществах, принадлежащих к так называемому европейскому цивилизационному ареалу, и в обществах, тяготеющих к таковым, размещение людей в системе стратификации «род занятий – уровень образования – доход» представляет собой явление в большей мере закономерное, чем в странах, обращенных на Восток (и в чем-то на Юг). Однако полученные результаты выглядят намного интереснее в свете того, как само население этих стран, относится к меритократическим принципам социального неравенства. Для того чтобы продемонстрировать это, в анализ был введен дополнительный показатель, позволяющий оценить, как люди в разных обществах относятся к принципу распределения общественного богатства на основе их реальных достижений, талантов и способностей. Опросный лист Европейского социального исследования, в частности, содержит такой вопрос: «Насколько Вы согласны или не согласны со следующим утверждением: моя зарплата соответствует затрачиваемым усилиям

¹⁴ Степень неоднородности заполнения пространства «род занятий – уровень образования – доход» для отдельных стран в полном соответствии с рисунком 1.

и успехам, которых я достиг в своей работе?»¹⁵ В *таблице 3* содержится информация о доле положительных ответов на данный вопрос («Полностью согласен» и «Согласен») по всем представленным странам, что позволяет сопоставить ее с информацией об объективно фиксируемой «справедливости» неравенства с помощью упоминавшегося выше показателя.

Связь между обоими признаками очевидная, о чем свидетельствует показатель соответствующей корреляции, составивший 0,554 на менее чем 1%-ном уровне значимости. Таким образом, субъективное мнение людей о том, как осуществляется принцип распределения общественного богатства, находится практически в функциональном соответствии с тем, как это неравенство осуществляется на практике (если верить результатам энтропийного анализа). Причем, характер этих субъективных оценок, равно как и «справедливость» неравенства, зависит в том числе от того, к какому «лагерю» принадлежат эти страны. Так, в странах постсоциалистических доля респондентов, положительно ответивших на вопрос об адекватности материального вознаграждения затрачиваемым ими усилиям, варьируется от 9,9% (в Польше) до 22,4% (в Словении). Тогда как для стран западноевропейских, если не считать Португалии (14,7%), этот показатель составляет 22,8% (в Финляндии) и выше.

Другим важным показателем, описывающим характер складывающегося в обществах социального неравенства, автору представляется степень, в которой связаны между собой шансы родителей и детей на рынке труда. Изучение интенсивности межпоколенной мобильности в разрезе рассматриваемых стран представляет особый интерес, поскольку уже не раз высказанная нами идея «сословности» обществ неозакратического типа требует дополнительной проверки на эмпирическом материале. В связи с этим логика энтропийного анализа была адаптирована также и для решения этой нетривиальной, на первый взгляд, задачи.

Для решения ниже обозначенной задачи необходимо было проанализировать характер размещения наблюдений в пространстве, связывающем между собой социально-профессиональные позиции респондентов и их родителей¹⁶. Для анализа использовались укрупненные социально-профессиональные категории по ISCO-88. Итоговый результат представлен на *рисунке 4*.

На представленном ниже рисунке более низким значениям степени неоднородности H_N пространства «род занятий респондента – род занятий отца – род занятий матери» соответствует более высокая волатильность социально-профессиональных перемещений. Более высоким – напротив, отсутствие социально-профессиональной подвижности или, по крайней мере, высокая вероятность воспроизводства схожих траекторий социально-профессиональной мобильности.

¹⁵ Взято с <http://ess.nsd.uib.no/ess/round3/fieldwork/Russian%20Federation>.

¹⁶ Использование данного метода предполагало использование «непустых» наблюдений, т.е. отсутствие информации хотя бы по одному из включенных в анализ измерений автоматически служило критерием «выбраковывания» наблюдений. В данном исследовании для каждой из национальных выборок доля такого «брака» не превышала 15%.

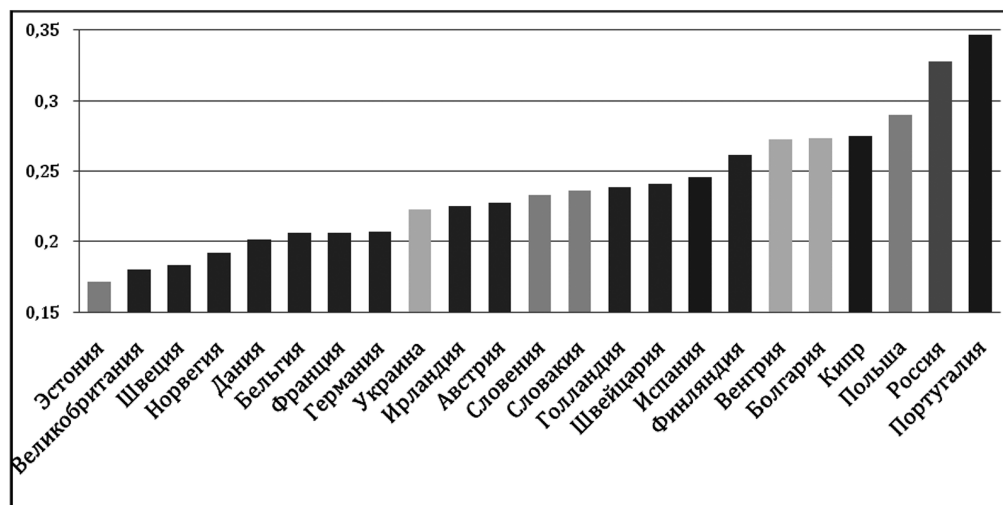

Рис. 4. Уровень «застойности» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в странах Европы, включая Россию

Примечание: в показателях неоднородности заполнения пространства H_N «род занятий респондента – род занятий отца – род занятий матери»

Согласно полученным результатам, Россия вновь разместилась не только на крайнем полюсе рассматриваемой оси, но и в «знакомой компании» стран: Португалия, Польша, Венгрия, Болгария. Более общий взгляд на ситуацию позволяет охарактеризовать межпоколенную социально-профессиональную мобильность в постсоциалистических странах, в целом, как относительно менее подвижную, чем в развитых странах Западной Европы. Исключение составляет лишь Эстония, которую характеризует повышенная разноразнонаправленность социально-профессиональных перемещений, что, по-видимому, связано с высокой долей так называемых «неграждан»¹⁷ в составе населения этой страны. В целом, автор склонен считать, что этот случай не нарушает общей логики анализа.

Предложенная нами интерпретации результатов может быть, однако, подвергнута критике с той точки зрения, что менее предсказуемые перемещения в более развитых странах могут быть вызваны значительной «перекройкой» социально-профессиональной структуры соответствующих обществ, которая имела место в связи с переходом к новому постиндустриальному типу экономики. Этот аргумент предполагает сокращение в составе рабочей силы доли представителей таких занятий, которые относятся к низкостатусным (преимущественно ручной труд), и увеличение доли более квалифицированных работников, а также расширение третичного сектора (сектора услуг). В связи с этим логично было бы предположить, что в развитых обществах меньшая закрепленность в социально-профессиональных статусах была обусловлена значительным их повышением по отношению к предыду-

¹⁷ Т.е. граждане Эстонии, не являющиеся этническими эстонцами.

щим поколениям, для которых были характерны менее статусные виды занятости. Анализ фактических данных, однако, показывает, что это не так (см. рисунок 5).

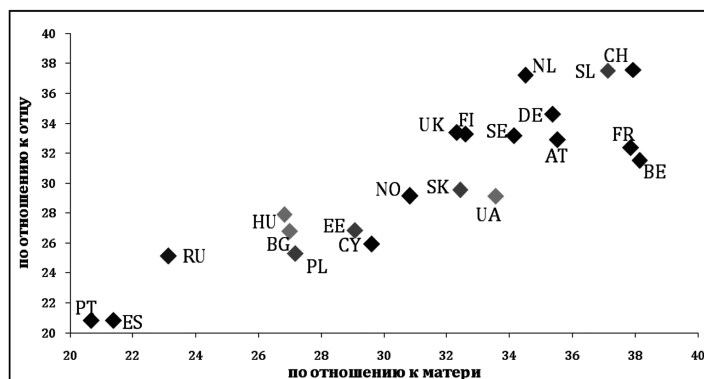

Рис. 5. Интенсивность нисходящей межпоколенной социально-профессиональной мобильности (в доле респондентов, понизивших свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям)¹⁸

Обозначения: PT-Португалия, ES-Испания, RU-Россия, HU-Венгрия, BG-Болгария, PL-Польша, EE-Эстония, CY-Кипр, NO-Норвегия, SK-Словакия, UA-Украина, UK-Великобритания, FI-Финляндия, SE-Швеция, DE-Дания, AT-Австрия, NL-Нидерланды, FR-Франция, BE-Бельгия, SL-Словения, CH-Швейцария.

Как показано, жители развитых европейских стран гораздо чаще понижают свой социально-профессиональный статус по отношению к родителям, чем представители постсоциалистических обществ, а также двух южноевропейских стран – Испании и Португалии, что уже получило трактовку в контексте цивилизационной принадлежности (см. выше). Россия же совершенно четко занимает в числе постсоциалистических стран самое незавидное с точки зрения показателей мобильности положение.

На фоне рассмотренных ранее результатов, согласно которым в развитых западных обществах социальная стратификация осуществляется на более меритократических принципах и опосредуется эффективным институтом рынка труда, «застойность» межпоколенной социально-профессиональной мобильности в значительной части постсоциалистических стран не выглядит неожиданной и, по существу, достаточно явно свидетельствует в пользу «сословного» характера их социального неравенства.

¹⁸ Укрупнение профессиональных статусов родителей и респондентов до трех значимо отличных друг от друга социально-профессиональных групп осуществлялось в соответствии со следующей логикой: группы высшей квалификации (управленцы, профессионалы, полупрофессионалы), среднеквалифицированные работники (офисные служащие, работники сферы торговли и бытового обслуживания), работники низкой квалификации (занятые в сельском хозяйстве, промышленные рабочие, представители элементарных профессий). Более подробно см. в приложении 2.

Заключение

Представленное исследование построено на исходных для классической традиции в социологии представлениях о социальной дифференциации как перводвигателе социальных изменений. Как на теоретическом, так и на эмпирическом уровне были проанализированы различия в характере социально-экономической дифференциации некоторых постсоциалистических обществ, включая Россию, в сопоставлении с развитыми западными странами. В частности, в результатах исследования было отражено, что специфический характер социального неравенства, основанный на переплетении неразвитых элементов классовой дифференциации и сословной иерархии, не является случайным в обществах, некогда принадлежавших к этакратической группе стран и по-прежнему ощущающих на себе влияние евразийской цивилизационной системы. С другой стороны, также показано, что в странах, в большей мере являющихся продолжением западной цивилизации, стратификационная иерархия может рассматриваться как преимущественно классовая (т.е. основанная на месте в системе разделения труда и отношениях собственности).

Определенным образом в приложении к задачам изучения социального неравенства зарекомендовал себя метод энтропийного анализа, который не является традиционным в практике современных социологических исследований, не говоря уже о сравнительном межстрановом анализе. Тем не менее, как было показано, соответствующий метод расчетов может быть адаптирован для изучения возможных связей в многомерных признаковых пространствах, в форме которых, в том числе, могут быть операционализированы различные системы неравенства. Благодаря использованию этого математического аппарата, в частности, удалось решить ряд задач, поставленных в настоящем исследовании и непосредственно связанных с обработкой эмпирического материала, а именно: протестировать объясняющую способность различных подходов в операционализации неравного социально-экономического положения индивидов в обществе, определить степень соответствия между различными измерениями стратификации, а также исследовать характер социально-профессиональной мобильности.

Подводя черту выше сказанному, хотелось бы отметить, что для определения более четких различий в характере неравенства постсоциалистических и развитых западных обществ предстоит еще много работы. В частности, эксперимент с тестированием валидности социально-стратификационных схем методом энтропийного анализа, несмотря на довольно интересные и укладывающиеся в целом в теоретическую рамку результаты, требует дополнительной проверки в контексте сопоставления с результатами, полученными с помощью более широкого инструментария (например, применения множественных регрессий, кластерного анализа и т.д.).

Кроме того, в процессе ознакомления с эмпирическим материалом *European Social Survey* и по мере проработки собственных теоретических представлений о характере неравенства в обществах неевропейского типа были сформулированы и частично проверены некоторые второстепенные по отношению к данному исследованию гипотезы, на основе которых в дальнейшем планируется развернуть более глубокий анализ социального неравенства в обществах, представляющих разные цивилизационные системы. Общим местом этих гипотез является пред-

положение о том, что в обществах, в значительной степени основанных на государственном способе производства, особая роль в процессах социальной стратификации принадлежит таким неклассовым принципам социально-экономической дифференциации, как пол, раса, этничность и т.д.

Вместе с тем очевидна ограниченность такого источника социально информации как материалы Европейского социального исследования. В частности, на основе этих материалов вследствие отсутствия данных о внутриспоколенной динамике социально-профессиональных статусов (карьерной мобильности) не могут быть изучены вопросы, связанные с воспроизводством реальных социальных групп. Кроме того, в материалах ESS ничтожно мало внимания уделяется раскрытию такой важной с точки зрения изучения социальной дифференциации информации, как сведения о собственности (не только в традиционном понимании – движимое и недвижимое имущество – но и участие респондентов во владении средствами производства, их управлении, владении ценными бумагами и т.д.). Наконец, опрос практически не содержит информации о том, как формируются социальные сети респондента.

Приложение № 1

Описание переменных для энтропийного анализа по материалам *European Social Survey* (3-я волна, 2006/2007).

Содержание признака	Формулировка вопроса	Возможные значения (с учетом дополнительных корректировок)
<i>род занятий</i>	использовался базовый код по ISCO-88, содержащийся в базе данных опроса	законодатели, крупные чиновники, топ-менеджеры; профессионалы; техники, специалисты и помощники профессионалов; клерки, офисные работники; работники сферы услуг и продавцы на рынке и в магазине; квалифицированные работники сельского хозяйства и рыболовства; рабочие, связанные с ручным трудом и представители подобных профессий; операторы машин и оборудования и сборщики; низкоквалифицированные работники, представители элементарных форм занятости; военнослужащие.
<i>уровень квалификации/образования</i>	«Какой наивысший уровень образования Вы получили?» (на основе сопоставимой шкалы, приведенной по всем странам)	в категориях, соответствующих российской системе образования: начальное образование (7 классов средней школы или меньше) ИЛИ незаконченная средняя школа; ПТУ, ФЗО, ФЗО, лицей без среднего образования ИЛИ законченная средняя школа; ПТУ, лицей со средним образованием или техническое училище (обучение 2-3 года); среднее специальное образование; техникум, училище, колледж ИЛИ несколько курсов вуза, но без диплома; диплом бакалавра ИЛИ диплом магистра ИЛИ законченное высшее образование по 5-6 летней системе (диплом специалиста) ИЛИ пост-дипломное образование ИЛИ аспирантура, докторантура, ординатура, адъюнктура - без научной степени ИЛИ научная степень (кандидат, доктор наук)
<i>тип контракта</i>	«Как Вы оформлены на работе?»	«я оформлен на постоянную работу по бессрочному трудовому договору, контракту (то есть без оговоренной даты окончания трудовых отношений с работодателем)»; «я работаю по контракту или трудовому договору, оформленному на определенный срок или на выполнение конкретного вида работ»; «я вообще официально не оформлен на работе, работаю без контракта или трудового договора, только устный договор»

<i>статус занятости</i>	«Каково Ваше положение на Вашей основной работе? Вы (были) ...»	«наемный работник»; «работаете (работали) на себя, не по найму; занимались индивидуальной трудовой деятельностью; предпринимательством» И наличие подчиненных; «работаете (работали) в семейном деле» ИЛИ («работаете (работали) на себя, не по найму; занимались индивидуальной трудовой деятельностью; предпринимательством» И отсутствие подчиненных)
<i>место в иерархии управления</i>	«Работой какого количества людей Вы руководите (-ли) или несете (несли) за них ответственность?»	без подчиненных; от 1 до 10 подчиненных; от 11 до 50 подчиненных; от 51 до 100 подчиненных; от 100 до 500 подчиненных; от 501 подчиненных и более
<i>доход</i>	«Какое из высказываний на этой карточке наиболее точно описывает уровень дохода Вашей семьи в настоящее время?»	«живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений»; «этого дохода нам в принципе хватает»; «жить на такой доход довольно трудно»; «жить на такой доход очень трудно»
<i>риск безработицы</i>	«Приходилось ли Вам когда-либо быть без работы и искать работу дольше трех месяцев?»	«да»; «нет»

Приложение № 2

Алгоритм приведения социально-профессиональной принадлежности респондентов и их родителей к единой шкале по материалам *European Social Survey* (3-я волна, 2006/2007).

Исходная кодировка социально-профессионального статуса родителей	Кодировка социально-профессионального статуса респондентов на основе ISCO-88
Высшие и высшие средние слои: <i>Modern professional occupations</i> (Высококвалифицированные работники в сфере услуг) <i>Senior managers or administrators</i> (Руководители высшего звена) <i>Traditional professional occupations</i> (Традиционные специалисты с высшим образованием)	Высшие и высшие средние слои: <i>Legislators, senior officials and managers</i> (Законодатели, крупные чиновники, топ-менеджеры) <i>Professionals</i> (Профессионалы) <i>Technicians and associate professionals</i> (Техники, специалисты и помощники профессионалов)
Средние слои: <i>Clerical and intermediate occupations</i> (Работники в сфере услуг средней квалификации) <i>Middle or junior managers</i> (Руководители среднего и низшего звена)	Средние слои: <i>Clerks</i> (Клерки, офисные работники) <i>Service workers, shop, market sales workers</i> (Работники сферы услуг и продавцы на рынке и в магазине)

<p>Базовые и низшие слои: <i>Technical and craft occupations</i> (Технические работники, квалифицированные рабочие и ремесленники) <i>Semi-routine manual and service occupations</i> (Полуквалифицированные рабочие и рядовые служащие) <i>Routine manual and service occupations</i> (Неквалифицированные рабочие/работники сферы услуг)</p>	<p>Базовые и низшие слои: <i>Skilled agricultural and fishery workers</i> (Квалифицированные работники в с/х и рыболовстве) <i>Craft and related trades workers</i> (Рабочие, связанные с ручным трудом и представители подобных профессий) <i>Plant and machine operators and assemblers</i> (Операторы машин и оборудования и сборщики) <i>Elementary occupations</i> (Низкоквалифицированные работники, представители элементарных форм занятости)</p>
---	--

Литература

- Ильин В.И. Модели классообразования в посткоммунистическом мире // Мир России. 2008. № 2.
- Ионов И.Н. Постколониальный дискурс в цивилизационных представлениях Латинской Америки и России // Общественные науки и современность. 2008. №3.
- Ключевский В.О. История сословий в России. Полный курс лекций. М.: Харвест, 2004.
- Брукинг Э.Н. Интеллектуальный капитал. Ключ к успеху в новом тысячелетии. СПб.: «Питер», 2001.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира. Социология XXI век. Пер. с англ. М.: «Логос», 2003.
- Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Вебер М. Класс, статус и партия / Белановский С.А. (отв. ред.) Социальная стратификация. Вып. I. М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 1992.
- Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. под научной редакцией профессора О.И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000.
- Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961.
- Сергеев Н.В. Ранжирование стратификационных критериев методом энтропийного анализа // Мир России. 2002. № 3.
- Таганов И.Н., Шкаратан О.И. Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969. № 5.
- Химанен П., Кастельс М. Информационное общество и государство благосостояния: Финская модель. Пер. с англ. М.: «Логос», 2002.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001.
- Шемякин Я.Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка. 2007. № 7.
- Шкаратан О.И., Сергеев Н.В. Реальные группы: концептуализация и эмпирический расчет // Общественные науки и современность. 2000. №5.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Выделение реальных (гомогенных) социальных групп в российском обществе: методы и результаты // Прикладная эконометрика. 2007. № 3.
- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Российское неэтакратическое общество и его стратификация // Социологические исследования. 2008. № 11.

- Шкаратан О.И., Ястребов Г.А.* Энтропийный анализ как метод безгипотезного поиска реальных (гомогенных) социальных групп // Социологические исследования. 2009. № 2.
- Bergman M., Joye D.* Comparing Social Stratification Schemas: CAMSIS, CSP-CH, Goldthorpe, ISCO-88, Treiman, and Wright. Cambridge: Cambridge Studies in Social Research, 2001.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H.* Class and Status: The Conceptual Distinction and its Empirical Relevance // American Sociological Review. 2007. 72 (4)
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* The Constant Flux: A Study of Class Mobility in Industrial Societies. Oxford: Clarendon Press, 1992.
- Erikson R., Goldthorpe J.H.* Intergenerational Inequality: A Sociological Perspective // Journal of Economic Perspectives. 2002. 16 (3).
- Goldthorpe J.H., Hope K.* Occupational Grading and Occupational Prestige / K. Hope (Ed.), The Analysis of Social Mobility. Oxford: Clarendon Press, 1972.
- Goldthorpe J.H.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1987.
- Goldthorpe J.H.* Rent, class conflict, and class structure: A commentary on Sorensen // American Journal of Sociology. May 2000. 105 (6).
- Goldthorpe J.* Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, №: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. 45 (3).
- Grusky D.B.* The Past, Present and Future of Social Inequality / Grusky D.B. (Ed.) Social Stratification. Class, Race and Gender in Sociological Perspective. 2nd Edition. Westview Press, 2001.
- Grusky D., Weeden K.* Decomposition Without Death: A Research Agenda for a New Class Analysis // Acta Sociologica. 2001. 44 (3).
- Grusky D., Weeden K.* Class Analysis and the Heavy Weight of Convention // Acta Sociologica. 2002. 45 (3).
- Leiulfstrud H., Bison I., Jensberg H.* Social Class in Europe. European Social Survey 2002/3. NTNU Social Research Ltd., 2005.
- Rueschemeyer D., Mahoney J.* A neo-utilitarian theory of class? // American Journal of Sociology. 2000. 105 (6).
- Scott J.* Social Class and Stratification in Late Modernity // Acta Sociologica. 2002. 45 (1).
- Sorensen A.B.* Toward a sounder basis for class analysis // American Journal of Sociology. 2000. 105 (6).
- Teckenberg W.* Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wege zur industrialisierten Standegesellschaft? Munchen, Wien, 1977.
- Teckenberg W.* The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society? // International Journal of Sociology. 1981–1982. 9 (4).
- Teckenberg W.* The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation: The USSR as an Estatist Society in Comparison with Class Societies // International Journal of Sociology. N.Y. 1989. 19 (2).
- Wright E.O.* The comparative project on class structure and class consciousness / The Comparative Project on Class Structure and Class Consciousness, Technical Paper Series, № 1. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 1982.
- Wright E.O.* Classes. L.: Verso Editions, 1985.
- Wright E.O.* Class, Exploitation, and Economic Rents: Reflections on Sorensen's 'Sounder Basis' // American Journal of Sociology. Vol. 105, № 6. 2000.